

Выезд евнуха Ван Юаньчэня из столицы обставили с небывалым, поистине царским размахом.

Ван Юаньчэнь попал во дворец ещё в раннем детстве. Он отличался прилежанием и умом, успел послужить и в Ведомстве Юнлэ, и на императорской кухне. Позже, сунув тысячу лянов серебра управляющему Департамента Императорского двора, он сумел пристроиться в Южный зал к самому императору Хуэйлуну. Когда Ван Юаньчэню исполнилось двадцать пять лет, государь приставил его к четырёхлетнему наследнику престола Чун И. Разумеется, старый слуга прекрасно помнил и маленького Фу Исяня.

На самом деле не стоило удивляться тому, что Чун И столько лет хранил память о своём друге. В детстве Фу Исянь вовсе не походил на нынешнего утончённого и изящного бакалавра. Он был пухлым, круглощёким карапузом, который целыми днями повсюду следовал за Чун И, крепко ухватившись за полу его халата. Будущий император и сам тогда был лишь ребёнком, но уже инстинктивно оберегал маленького спутника. Стоило отцу одарить его какой-нибудь диковинной безделушкой, как мальчик тут же откладывал долю для своего Сяошаня.

Как-то раз, во время празднования Середины осени, император Хуэйлун решил проверить познания сыновей в науках. Чун И единственный показал блестящие успехи, за что удостоился драгоценной награды — кругового нефритового лабиринта Восьми Триграмм, присланного в качестве дани из Синьцзяна. То было искуснейшее изделие из чистейшего хотанского нефрита: внешнее кольцо скрывало в себе хитроумное устройство, основанное на расчётах Восьми Триграмм. Из-за чрезвычайной ценности выносить подарок за пределы дворца строго воспрещалось, поэтому Чун И хранил его под замком в ларце. Поиграть с этой диковинкой позволялось лишь Фу Сяошаню, когда тот приходил в гости. Никто другой не смел даже прикоснуться к сокровищу.

Ван Юаньчэнь часто говаривал:

— Бакалавр Фу в детстве был таким милым, все так и норовили с ним поиграть. Но Владыка десяти тысяч лет оберегал его пуще глаза и никому не позволял вольностей. Неудивительно, что после ухода бакалавра из дворца его величество так и не смог найти ему замену во всей Поднебесной.

Когда умерли родители Фу Исяня и он покинул столицу для соблюдения траура, Чун И долгое время ходил сам не свой, и именно тогда его характер окончательно испортился. Ван Юаньчэнь отбирал самых смыслёных и миловидных молодых евнухов, но принц ни на кого даже смотреть не желал. Столичная знать тоже из кожи вон лезла, пытаясь пристроить своих отпрысков в товарищи к наследнику, но всякий раз натывалась на глухую стену.

Покинув дворец, Фу Исянь пустился в странствия, завёл новые знакомства, сошёлся с Чун Даем и на несколько лет почти позабыл о Чун И. Однако он, запертый в золотой клетке дворца, изнывал от тоски. Никакие забавы его не радовали. Став старше и погрязнув в государственных делах, он при малейшей возможности всё равно вспоминал своего «Фу Сяошаня». Он то и дело посылал Ван Юаньчэня в усадьбу Великого генерала, но тот всякий раз возвращался ни с чем: слуги отвечали, что молодой господин уехал и ещё не вернулся. Как-то раз Чун И в ярости воскликнул:

— В тот день, когда я взойду на престол, первым же делом прикажу выковать кандалы и навечно приковать этого Фу Сяошаня к себе!

Служа у Чун И, Ван Юаньчэнь привык ступать как по тонкому льду. Каждый день требовал от него предельной сосредоточенности, ведь малейшая оплошность могла стоить головы. Поездка с императорским указом стала для него глотком свежего воздуха — словно он наконец вынырнул из глубокого омута на волю. Всю дорогу гремели гонги, развевались знамёна, а местные чиновники в округах и уездах встречали его с величайшим почтением. Все знали, что евнух Ван — доверенное лицо императора Юйчэна, чьё единственное слово может вознести человека до небес, а потому лезли из кожи вон, чтобы ему угодить.

Путь, который обычно занимал три месяца, на сей раз растянулся на все четыре, прежде чем процессия наконец достигла уезда Пинхэ.

Местные власти заранее выслали людей навстречу, чтобы с почестями проводить Ван Юаньчэня и таинственного императорского посланника на почтовую станцию Пинхэ. Он за всё время пути ни разу не появился людям. Всякий раз его закрытый паланкин подносили к самым дверям покоев, и тот, укутавшись в тёмно-коричневый плащ, торопливо скрывался внутри.

Так случилось и на этот раз, разве что паланкин дополнительно утеплили плотным войлоком.

По правилам, завтра утром должна была состояться торжественная церемония оглашения указа в городе, и сегодня вечером Фу Юаньтаю, Чун Ю и Чун Даю следовало явиться с визитом вежливости. Однако посланник передал, что Великий генерал утомлён походами, а принц Чэн нездоров, поэтому все пустые церемонии отменяются — достаточно соблюсти ритуал завтра утром.

Над Заставой Медной Горы сгустились сумерки. В начале десятого месяца ночной ветер уже обжигал кости пронизывающим холодом. Посланник расположился в восточной комнате на первом этаже южного крыла почтовой станции Пинхэ. Шёл уже третий час ночи, а в его окнах всё ещё теплился свет свечи.

Вдруг на черепичной крыше промелькнула тёмная тень. Силуэт двигался с поразительной быстротой и уже через мгновение бесшумно, точно ночная птица, опустился у дверей покоев. Двое дежуривших слуг-евнухов даже не шелохнулись — один дремал, прислонившись к перилам, другой сладко посапывал, обняв столб.

Тень пригнулась у края крыши, прислушиваясь к звукам изнутри, а затем повисла вниз головой, зацепившись ногами за карниз так, чтобы не отбрасывать силуэт на бумажное окно.

Провисев так около четверти часа, незнакомец резко взмахнул рукой. Две тончайшие

серебряные иглы, блеснув в лунном свете, беззвучно вонзились в шеи спящих евнухов. Те лишь слабо ткнулись подбородками в грудь и окончательно затихли.

Выждав ещё немного, тень легко спрыгнула на дощатый помост перед дверью. Внезапный порыв ветра заставил пламя свечи в комнате дрогнуть и погаснуть. Ночной гость застыл в темноте, не решаясь сделать следующий шаг. Вокруг свистел лишь холодный ветер.

И вдруг в этой тишине раздался вздох:

— Сколько ещё ты намерен стоять там, прежде чем решишься войти?

Голос звучал чисто, мягко и вместе с тем чуточку устало.

Стоявший снаружи человек не шевельнулся и не проронил ни слова.

Оконная рама со скрипом приподнялась. В серебряном свете луны показался край нежно-зелёного халата. Его хозяин держал в изящных пальцах расписной Веер Muskusa и Орхидеи.

Заметив веер, гость едва заметно вздрогнул.

— Ты ведь знал, что приеду именно я, — тихо продолжил Фу Исянь. — А я знал, что это будешь ты. Потому и ждал... Когда же у тебя кончится терпение?

Черный силуэт медленно сорвал с лица шёлковую маску, явив благородные черты лица. То был Чун Дай. Он перевёл взгляд на нежно-зелёные одежды Фу Исяня, и посмотрел с глубокой тоской.

— Хорошо ли он к тебе относится?

Фу Исянь горько усмехнулся:

— Хорошо ли, худо ли — какая разница? Мы лишь слуги Его Величества, обязанные делить с ним заботы государственные.

— А не будь он государем, посмел бы он принудить тебя?

— Ха-ха, неужели ты думаешь, что я, Фу Юаньшань, из тех, кто льстится на богатство и чины?

Чун Дай холодно процедил:

— К чему тогда эти речи о покорности слуги? Вспомни наши встречи в «Взлёте Прощетания»... Ныне даже здесь, на Медной Горе, все знают, что ты — первейший любимец государя.

Едва договорив, Чун Дай пожалел о своих словах. Он ведь с самого начала догадывался, кто скрывается под маской посланника, и слухи по дороге лишь укрепляли эту веру. Перед завтрашней официальной встречей он не выдержал мук разлуки и решился прокрасться сюда ночью, просто чтобы мельком взглянуть на него, пусть даже сквозь оконную щель. Но эти речи Фу Исяня о «государственном долге» пробудили в его душе удушающую ревность. Он прекрасно знал, что Исянь не ищет выгоды, но всё равно сорвался на злую колкость.

Фу Исянь долго молчал, переваривая услышанное, и эти слова оставляли в его душе лишь леденящий холод. Он хотел бы объяснить, но не знал, с чего начать. Лишь вздохнул и сложил веер:

— Раз уж в твоих глазах я таков, Цзыхоу, зачем вообще нужно было приходить под бледным светом луны? Холодная роса уже пропитала одежду — не лучше ли тебе поскорее вернуться?

Эти слова ударили Чун Дая в самое сердце. Он кивнул, сложил руки в прощальном жесте и, не говоря ни слова, взмыл вверх, собираясь скрыться в ночной темноте.

Заметив, что Чун Дай уходит, Фу Исянь мгновенно выскользнул в окно. Едва его ноги коснулись земли, он рванулся вперёд и перехватил руку друга. Всё это произошло в одно мгновение, пока Чун Дай ещё стоял на перилах.

Ладонь Фу Исяня была тонкой и очень холодной. Это прикосновение мгновенно остудило гнев Чун Дая, заставив его замереть на месте. Так они и стояли молча, держась за руки, пока Фу Исянь тихо не произнёс:

— Тебе пришлось несладко здесь, на Медной Горе. Ладони совсем огрубели, покрылись мозолями.

Он отпустил руку друга. Чун Дай мысленно вздохнул:

«Ладно, пусть считает это заботой. Значит, не напрасно прошли эти годы разлуки».

Заметив, что Чун Дай молчит, погружённый в свои думы, Фу Исянь решил разрядить обстановку. Он прислонился к перилам и шутливо сдёрнул шапку со спящего евнуха, вертя её в руках:

— Получил звание генерала, и спеси сразу прибавилось. Я ведь просто к слову сказал, зачем так злиться? В конце концов, это же не военный приказ, можно и забрать слова обратно.

Чун Дай покосился на него. Видя, как Фу Исянь с улыбкой крутит блестящую стеклянную бусину на шапке слуги, он невольно улыбнулся в ответ.

Фу Исянь вскинул на него взгляд и фыркнул:

— Хватит там стоять, точно божество Мао-сю, спящее на одной ноге. Спускайся уже.

Сравнение с петухом заставило Чун Дая спрыгнуть на помост. Он несильно щелкнул друга по лбу:

— Никакого почтения к сану... И как только тебя до сих пор не раскусили в пути?

Фу Исянь потёр лоб и белозубо усмехнулся, водрузив шапку обратно на голову евнуха:

— Быть посланником — тяжкий труд. Тебе просто не доводилось примерять эту шкуру.

Чун Дай немного помолчал, а затем спросил:

— Почему именно ты?

Фу Исянь грустно покачал головой:

— Цзыхоу, ты ведь с самого начала знал, что это буду я. Неужели не догадываешься о причинах?

— Из-за Великого генерала? Или из-за меня?

— Из-за тебя.

— И он отпустил тебя?

Фу Исянь удивился:

— А почему нет?

Чун Дай вздохнул:

— Сяошань, пусть я и далеко на Медной Горе, но столичные вести долетают и сюда. Подчинение Хун Жуцзиня, женитьба императора на старшей дочери Жуй Жуна — разве всё

это не твоих рук дело? Ради тебя государь не убоился казнить даже помощника министра ритуалов... Ваши узы больше не понять простым смертным.

Фу Исянь самокритично улыбнулся:

— Как быстро расходятся слухи. Цзыхоу, если мой отец спросит меня о том же, что мне ему ответить?

— Опять шутишь! Шестой принц говорил мне, что император заставил тебя страдать из-за меня, а значит — он видит во мне угрозу. Так почему же он позволил тебе приехать в Заставу Медной Горы и встретиться со мной?

— Он император, он знает, чего хочет. Я лишь помогаю ему достичь этого. К тому же, государь вовсе не хотел меня отпускать. Это я настоял на поездке.

— Зачем?

— Во-первых, навестить отца. Во-вторых... повидаться с тобой, Цзыхоу.

Осень пятого года правления Юйчэн, девятый месяц. Застава Медной Горы

Шестого числа девятого месяца выдался на редкость погожий осенний день. На Заставе Медной Горы царило небывалое оживление. Тридцать девять музыкантов, выстроившись по обе стороны крепостных ворот, оглашали окрестности торжественными звуками инструментов. В полдень ворота распахнулись, и в город вошёл передовой отряд пехоты с табличками «Императорский посланник» и «Фу». За ними следовала тяжёлая конница — десять грозных всадников, сопровождавших великолепный шестиместный паланкин. Двое гвардейцев держали позолоченные жезлы-тыквы, двое — медные палицы, двое — боевые топоры, двое — острые мечи, а замыкающие везли начищенные копыя. Следом двигался закрытый четырёхместный паланкин, а замыкали шествие слуги с сундуками и подарками.

Так императорский посланник Фу Исянь и сопровождавший его евнух Ван Юаньчэнь торжественно прибыли на Заставу Медной Горы. Великий генерал Фу Юаньтай, принц Чэн и генерал Чун Дай во главе местных чиновников уже ожидали их у входа в управу.

Едва послышался шум приближающейся процессии, принц Чэн первым сделал шаг навстречу.

Когда паланкин опустился на землю и занавес приподнялся, Фу Исянь в парадном чиновничьем облачении третьего ранга предстал перед собравшимися. Все склонились в приветствии, не исключая и Великого генерала. Он едва заметно кивнул и прошёл внутрь управы.

Приветственный пир был необычайно пышным. За столом Фу Исянь почти всё время молчал, так что Ван Юаньчэню пришлось взять на себя заботу о развлечении гостей шутками и светской беседой.

Когда приём подошёл к концу, Фу Исянь поднялся, давая знак к завершению. Распрощавшись с генералами, он в сопровождении Ван Юаньчэня отправился на отдых в подготовленную для него резиденцию.

Принц Чэн тоже собирался уезжать. Уже садясь на коня, он негромко произнёс Чун Даю:

— Тебе стоит взглянуть правде в глаза, Цзыхоу. Фу Юаньшань так молод, а уже пользуется столь безграничной милостью государя. Ты же упрямо цепляешься за свои безответные чувства, добровольно оставаясь в дураках.

Чун Дай промолчал, опустив голову. Принц Чэн долго смотрел на него, а затем, резко стегнув коня, умчался прочь.

Вернувшись в резиденцию, Чун Ю узнал, что Фу Исянь уже уехал в усадьбу своего отца, чтобы засвидетельствовать почтение, и вряд ли вернётся сегодня ночью. В зале остался лишь Ван Юаньчэнь, который не торопясь пил чай с местными сладостями. Заметив принца, он поспешно поднялся и поклонился:

— О, шестой принц вернулся! За этот год старый слуга истосковался по вашему высочеству.

Чун Ю улыбнулся, и на душе его потеплело. Он знал, что Ван Юаньчэнь не из тех, кто льстит попусту:

— К чему эти церемонии, евнух Ван? Твоя служба при государе в столице ничуть не легче нашей.

<http://bllate.org/book/19874/2041212>